

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«РУНЫ ЛЮБВИ»

Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату.
И начнется отсчет»
«Корпорация Лемнискату.
И каждый день за веком век»
«Корпорация Лемнискату.
И замкнется круг»

КСЕНИЯ БАШТОВАЯ
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»

ОЛЬГА ГРОМЫКО, АНДРЕЙ УЛАНОВ
«Плюс на минус»

МАРИЯ БОТАЛОВА, ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Академия попаданцев»
«Академия попаданцев.
Избранница Тьмы»

ВАРЯ МЕДНАЯ
«Паук приглашает на танец»

МАРИЯ САКРЫТИНА
«Я клянусь тебе в вечной верности»
«Слушаю и повинуюсь»

ОЛЬГА ПАШНИНА
«Осторожно, ведьма!»

ТЕРРИ ЛУ
«Под крылом дракона»

ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Его Тьма»

ГАЛИНА МАНУКЯН
«Ученица чародея»

ЕЛЕНА ЛИТВИНЕНКО
«Кукла советника»

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ
«Любовь без права выбора»

АЛИСА ОДИНЦОВА
«Начальник для чародейки»

НАДЕЖДА МАМАЕВА
«У волшебства запах корицы»

МАРИЯ БОТАЛОВА
Трилогия «ТАЙНЫ
ИЗНАЧАЛЬНЫХ»
Книга первая «В оковах льда»
Книга вторая «Огонь Изначальный»

АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА
«Прокляты и забыты»

ОЛЬГА МИГЕЛЬ
«Принц на белом кальмаре»

МАРИНА ДРОВОКОВА
«Маг моего сердца»

ДАНА АРНАУТОВА
«Страж морского принца»

АНЯ СОКОЛ
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
«На неведомых тропинках.
Шаг в пустоту»

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОЧЕНКО
«В летописях не значитя»

ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНОВА
«Колдун моей мечты»

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
«Заклятые любовники»

АЛИСА АРДОВА
«Мое проклятие»

СОНЯ
СОКОЛ

На неведомых тропинках
ШАГ В ПУСТОТУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Александр Шапочкин*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сокол, Аня.
С59 На неведомых тропинках. Шаг в пустоту : [роман] / Аня Сокол. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-097950-9

Попадая в другой мир, люди превращаются в магов и драконов. На худой конец, получают великие силы и великое самомнение.

Никто не становится падальщиком, поедающим трупы. А может, об этом не принято рассказывать?

Но я, Ольга Лесина, редко соблюдаю правила. Я расскажу вам о мире, где живут чудища, и о том, насколько страшным может быть тот, чья жизнь дороже всего остального.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097950-9

© А. Сокол, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

ЛИШЕННЫЕ РАЗУМА

Я в очередной раз ступила в круг и в очередной раз вернулась обратно. Когда в лицо пышет жаром невидимая печь, а горло перехватывает от потока раскаленного воздуха, хочешь не хочешь — отступишь. Нахрапом преодолеть невидимую границу не выходило: чем больше усилий, тем горячее воздух и сильнее отдача. Инстинкты кричали о том, что надо не просто уходить, а убежать. Защитное заклинание целителя вдруг стало очень уж активно защитным, никого не пуская в дом, отражая твою силу, чем больше ты хотел войти, тем сильнее оно давало отпор.

— Что дееется, ой, ой, — бабка в который раз заломила руки.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — рявкнула я, не обращая внимания на ее старания.

— Нет, — категорично ответил Ефим.

— Конечно, ты в семейные дела не вмешиваешься, я помню. — Слова были полны сарказма, я все еще злилась на него из-за Граниных и ничего не могла с собой поделать.

Хранитель растворился в воздухе. Глупо было вообще звать его, это я скорее от отчаяния и беспомощности.

Перед домом явиди никого, кроме нас с бабкой не было. Собственно, и я бы спокойно лежала на диване с книгой, если бы Марья Николаевна, возвращаясь с ежедневного променада, не увидела, как Константин срывается в дом к «крокодилей рож» с криком:

«Конец тебе тварь!» За помощью бабка кинулась ко мне, конечно.

Я уже минут десять пыталась проникнуть за внезапно ставшие агрессивными защитные чары, оградившие приземистый белый домик невидимым раскаленным кругом. Бабка в качестве группы поддержки прекрасно заламывала руки. Соседи тактично расползлись по домам, предпочитая подслушивать семейную ссору с большего расстояния и с большим комфортом.

Я прошла чуть дальше и снова попыталась приблизиться к дому, в глубине души наивно надеясь, что именно здесь заклинание даст слабину. Два шага: один к черте, другой за нее — воздух раскалился, горло обожгло, не давая сделать вдох, и я отступила. Опять.

Раздался звон бьющегося стекла. И крик. Горький, яростный, обреченный. И, без сомнения, женский. Я бросилась туда. Осколки стекла острыми сосульками осыпались на увядающую траву.

— Ох ты ж, Матерь Божья, заступница небесная... — Бабка, не отставая, крестилась прямо на ходу.

— Не-е-ет! — пронзительный крик Пашки улетел в хмурое осеннее небо, заставляя забыть об осторожности.

Я бросилась к двери. Раскаленный воздух встал непроходимой стеной, казалось, еще один крохотный шагок внутрь — и сварит заживо. Назад. Явидь уже не кричала, а выла так, что волосы на голове встали дыбом. Я рванулась снова. И даже не сразу поняла, что на этот раз меня ничто не держит. Магия исчезла, воздух сух и прохладен. Я взлетела на крыльцо и рывком распахнула дверь. Нечкогда думать о том, что я, в сущности, никто против целителя, букашка против титана — раздавит и не заметит. Иногда бывают моменты, когда не думаешь, а действуешь, как правило, они становятся лучшими или худшими эпизодами твоей жизни. Промелькнули стены, окна,

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ПУСТОТУ

двери, но я знала, где их искать, и бежала прямо туда. Я ввалилась в спальню с грацией и шумом гиппопотама. И тем иррациональнее оказалась картина, представшая перед глазами.

Грязи и объедков за прошедшие дни стало еще больше, не говоря уж о запахе, куча тряпья, раньше бывшая то ли одеждой, то ли постельным бельем, на полу — сломанные доски с осколками фарфора вместо столика с посудой. Ветерок колышет грязный обрывок занавески, которую или драли, или жевали. Сломанная спинка новой кровати, отчего матрас перекошило на одну сторону. На бывшем ложе любви сидели бывшие влюбленные, а ныне родители. Толстостенные осколки малахитового яйца валялись у их ног, а на руках свившись тугими кольцами, поблескивая влажной черно-зеленой чешуей, лежала маленькая змейка с когтистыми ручками.

— Поздравляю, — невпопад вырвалось у меня между хрипловатыми вдохами-выдохами.

Константин очумело поднял голову, явно недоумевая, откуда я взялась, левое веко мужчины конвульсивно подергивалось. Отчего-то зеленые глаза сфокусировались на моих руках, и я с удивлением поняла, что сжимаю в ладони рукоять охотничьего ножа, причем правильным прямым хватом. Николай Юрьевич был бы доволен, не зря он вбивает в меня движения, стараясь записать их на уровень рефлексов, до сегодняшнего дня я думала, что безуспешно, и на тебе, выхватила оружие подсознательно, сама того не заметив. Впрочем, момент, чтобы гордиться собой, неподходящий.

— Это змееныш, — Пашка, в отличие от черного целителя, была совершенно счастлива, хоть и невероятно грязна, — дай ему имя! — потребовала она от вздрогнувшего Константина.

— Э-э-э...

АНЯ СОКОЛ

Кажется, я впервые понимала черного целителя, мало того, даже симпатизировала и немного жалела.

— Пусть будет Невер, — нашелся мужчина, — пусть никому и ничему не верит. Ты не против?

Пашка счастливо засопела.

— Вас можно поздравить? — в комнату вошел Алексей.

Не таким я привыкла его видеть: не с горящим золотом зрачками, не с изящным, очень напоминающим завитушками хохломскую роспись, узором по коже, не с удивительными огненными крыльями за спиной.

— Как глава рода нелюдей Юкова приветствую нового сородича, нового явидя. — Он склонился к змее-нышу. — Заставь нас тобой гордиться!

— Он заставит, — кивнула Пашка.

— Ты уже выбрала радного¹? — спросил феникс.

— Ну-у-у, — протянула явидь, взгляд медных глаз с двойным зрачком обежал нашу живописную группу, миновал молчаливого и задумчивого «счастливого отца», ожидающего ответа нелюдя, и остановился на мне, вернее, на сверкающем лезвии, которое я убирала в ножны. — Ольга, окажешь нам честь?

— Э-э-э-э, — настал мой черед выдавливать из себя неопределенные звуки.

— Конечно, окажет, — весело ответил Алексей, — она же знает, что отказ — это оскорбление рода, которое не смыть и кровью.

— Ссогласна, — я так поторопилась с ответом, что начала заикаться.

— Вот и славно, — феникс обнял меня за плечи и потянул к выходу, — еще раз поздравляю.

¹ Радный, радная — от слова «радеть», аналог христианских крестных у нечисти, дословно «тот, кто будет радеть за ребенка».

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ПУСТОТУ

Новоиспеченные родители по-прежнему смотрели на маленькое чешуйчатое существо у них на руках, причем выражение лица черного целителя я описать не берусь.

У входной двери топталась бабка, любопытство вот-вот должно было пересилить страх.

— Живые? — спросила Марья Николаевна, стараясь разглядеть хоть что-то за нашими спинами.

— Да. — Алексей вывел меня на крыльцо и закрыл дверь, к ее вящему разочарованию.

От хорошего настроения нелюдя не осталось и следа. Глаза погасли, рисунок поблек и растворился в коже, от крыльев стали отпадать тонкие перья — всполохи и сгорать прямо в воздухе.

— Как пить дать ангел Божий, — высказалась Марья Николаевна и поклонилась в пояс.

— Допускаю, что вы не знали, потому как эти сведения не афишируются, но на будущее, во избежание сегодняшних волнений знайте, — Алексей поднял указательный палец, становясь похожим на строгого учителя, и класс в моем и бабкином лице внимал ему с неослабевающим вниманием, — детеныш у рода нелюдей вылупится, только если его яйцо разобьет отец, да не просто разобьет, а стукнет со всей силы, желая убить, выплескивая всю накопившуюся на его мать злость.

— Так она специально его доставала? — изумилась я.

— Конечно. Иначе зачем ей колдуна до ручки доводить, жизнь рисковать? — Он пожал плечами, будто мы не понимали очевидного. — Терпеливый мужик Константин, не ожидал даже, еще неделю назад змееныша ждали. Я помню, своего первенца, наоборот, дня на три раньше срока кокнул, не утерпел, молодой был, дурной. Со вторым будет сложнее, когда уже знаешь, чего от тебя ждут, и разозлиться как следует не получается, а без этого, без искреннего желания «чтоб этому яйцу провалиться» ничего не выйдет. Скорлупа прочнее камня, и расколоть

АНЯ СОКОЛ

ее может лишь чистая ненависть самого близкого существа, того, кто дал тебе жизнь. — Алексей поджал губы, посмотрел куда-то вдаль и, больше не сказав ни слова, спустился с крыльца, поднял воротник и пошел вниз по улице.

Мы с бабушкой смотрели ему вслед с большой печалью. Не знаю, как она, а я чувствовала себя не очень хорошо.

Мы вышли из села ранним утром, два дня спустя, когда по ночам землю уже сковывало первыми заморозками. Пашка несла Невера за спиной в специальном рюкзаке. Большую часть дороги змееныш спал, однажды я поймала на себе внимательный взгляд светло-зеленых, как у целителя, глаз. Больше старалась не смотреть, хотя и понимала, как это глупо.

— Насколько сильно мне придется «радеть» за ребенка? — задала я мучивший меня вопрос.

— Сильно! — весело ответила Пашка. — Стать второй матерью. — Наверное, я побледнела, потому как она, засмеявшись, добавила: — Низшие! Твоя трусость когда-нибудь меня доканает. Поддержать ребенка на руках десять минут на посвящении ты в состоянии?

— Ну... наверное.

— Слава низшим! Да не дергайся ты так, это моральные обязательства. А у нас, как ты знаешь, с этим туго. То, что не прописано кровью, выполнять необязательно. Из тебя получится отличная радная, не в свое дело не полезешь, и я смогу делать с Невером, что моей душеньке угодно.

Почему-то ее слова заставили меня поежиться и бросить виноватый взгляд на змееныша.

Мы сошли с грунтовой дороги и остановились. По правую руку от стежки тянулся замечательный пустырь, как нельзя лучше подходящий нашим планам, вернее, это сейчас, в начале зимы, тут была голая жесткая земля, из-

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ПУСТОТУ

редка покрытая бородавками грязно-бурой травы. Летом же и весной это был красивый и обширный луг с сочной травой, а за ним озеро, дающее этой земле влагу. В сущности, большинство наших именно отсюда шагало в *fili de terra*, места для выписывания спиралей много, и от Юкова в двух шагах. Это я не любитель простых путей, а остальные усложнять не любят.

— Что стало с желанием располосовать кое-кому в *fili de terra* морду? — поинтересовалась я, наблюдая, как змея пошла на первый круг. — Оно исчезло?

— Сама в это не верю, но да, — явидь усмехнулась, — в свое время он не захотел, чтобы я откладывала яйцо. Вот пусть теперь смотрит и завидует, а честь располосовать ему харю я, так и быть, уступлю кому-нибудь другому. Земля детей меня впустит, не волнуйся.

— Тебе виднее, — выдохнула я и пошла следом.

Визит сулил заманчивые перспективы, и лишаться такого шанса, потому что Пашка чего-то там не учла, мне категорически не хотелось. Глупо было бы не использовать прекрасный, а главное, совершенно законный повод повидать дочь. Радные обязаны присутствовать на посвящении детеныша высшим и низшим силам.

Земля детей встретила нас летним солнцем, легким ветерком и умиротворяющим шумом зеленых крон берез и лип. Я стянула куртку, оставшись в джинсах и хлопковой футболке, задрала голову, подставляя лицо теплым лучам. Из поздней осени в вечное лето, где деревья сбрасывают чуть побледневшую листву для того, чтобы тут же отрастить новую, где дожди редки и приятны, где земля дает урожай круглый год, где живут наши дети. Путь в *fili de terra* открылся нам уже на втором витке, возможно, тут сыграло свою роль присутствие Невера.

Корпуса начинались сразу же за узкой лесополосой, сквозь которую были видны крыши, заваленные цветными пятнами листвы, как старое одеяло лоскутными

заплатами. Детский смех и переключка птиц. Шумные компании хоть и посматривали на нас, но без агрессии, скорее, с любопытством. Вот справа у деревянного корпуса-барака трое малышей старательно отворачивают лица, чтобы мы ни в коей мере не поняли, насколько им интересны чужаки. Я же, наоборот, вглядывалась в каждое, сердце замирало, стоило заметить в той или иной компании светловолосую голову, и каждый раз разочарование острым лезвием проходило по натянутым, как струны, нервам. Опять не она.

Пашка знала, куда шла. Три домика в ряд и гигантское пятно голой земли за ними. Нас там ждали. Этим утром этот круг еще больше напоминал площадку для проведения пионерской линейки, может, все дело в толпе народа, выстроившейся ровным полукругом с противоположной стороны. Дети и взрослые, ученики, воспитатели и наставники. Некоторые, так же как и явидь, держали на руках разномастные свертки, качали коляски, поправляли переноски на животах и спинах. Из распашонок и ползунков высывались пугающе милые ручки с еще более пугающими когтями, некоторые поднимали головы и шевелили кисточками на кончиках ушей, кто-то плакал, демонстрируя миру острые клыки и раздвоенные языки.

Пашка встала с правого края, на ходу кивнув знакомым и получив в ответ такие же вежливые кивки и парутройку приветствий. Ровный шум тихих разговоров, искоса брошенные взгляды, натянутые улыбки.

Накануне я просмотрела тот куцый отрывок официальной информации, что выложен в открытую сеть. Вкратце: посвящение высшим и низшим — это своеобразный аналог крестин, когда ребенка посвящают силам или богам, как у людей. Посвящение проводится три раза в год в трех знаковых для нечисти местах: в замке хозяина, в нашем случае Серой цитадели, в *fili de terra*

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ПУСТОТУ

и в месте, где пробился самый последний, самый свежий и чистый родник. Последнее хоть не часто, но менялось. Вода была переменчива, как ветер, могла выйти в мир в любом месте и на любой срок, а через пару сезонов по прихоти высших и низших исчезнуть. На данный момент таким местом в Северных пределах был Заячий холм, там как раз и планировалось следующее посвящение, месяца через три. Нас же ждала менее пафосная, в отличие от проводимой в Серой цитадели, но более традиционная церемония на земле детей. Что ж, мы не гордые, посвящение в самом безопасном краю вечного лета среди детских голосов и легкого смеха меня более чем устраивало, судя по улыбке змеи, ее тоже.

Переминаясь с ноги на ногу, я не сразу заметила, что шум стал стихать, что лица окружающих приобрели то излишне торжественное выражение, так свойственное излишне официальным мероприятиям. Не знаю, по каким признакам ориентировались остальные, а для меня посвящение началось с легкого дискомфорта, беспокойства, которому даже не сразу нашлось определение.

Что-то надвигалось. Нет, не дрожала земля, не мерк свет, не нарастали звуки, но вместе с тем каждый, кто стоял сейчас рядом со мной у пяточка голой земли, знал, оно идет. Но спроси, что «оно», я бы не смогла внятно ответить. Было тягучее чувство надвигающегося «нечто». Так истончается мир, а там, где он тонок, связь с теми, кто создал его, с теми, кого мы привыкли называть высшими и низшими, наиболее сильна. Связь как напоминание, что те, кому под силу уничтожить всех и вся, ушли и пока не собираются возвращаться, за что им честь и хвала.

Все замерли. Круг ровной земли, на котором не росло ни одной травинки, с сухим звуком треснул, словно ветку разломали надвое. Голую землю расчертило разломами. Не хаотичными трещинами, что появляются на обезвоженной почве, а прямые четкие полоски от одной сто-

роны круга до другой. Много линий, будто прочерченных острой палкой. На первый взгляд линии появлялись как попало, наезжая друг на друга и без порядка и цели. Мне они напоминали лист с выкройками из журнала по шитью, когда линии разной толщины сплетаются в хаотичную паутину, запертые на ограниченном пространстве тонкого куска бумаги. Но стоило присмотреться, и становилось понятно: по-другому они не могли быть начерчены. Логика была, пусть и не явная, а эфемерная, как привкус чего-то смутно знакомого, когда кажется, еще минута — и все станет ясно.

Треск стих, и в центре переплетающихся линий появилась невысокая хрупкая фигурка с распущенными темно-каштановыми волосами в смутно знакомом свитере крупной вязки и джинсах с ультрамодными дырами в районе коленей. В краю вечного лета появилась та, кому не жарко даже в самый знойный день, как не холодно Ефиму в кителе и фуражке даже в самый сильный мороз.

Мила улыбнулась, браслеты на ее запястьях горели вычурной инописью. Пусть мне говорят что хотят о природе хранителей, об их замирании на границе жизни и смерти, я видела в изгибе губ молодой девушки обычную неуверенность и тщательно скрываемый страх.

— Первое посвящение хранительницы, — шепнула явидь, расстегивая рюкзак и вынимая из него Невера.

Мила вытянула ладони в нашу сторону, жест характерный для фокусников, желающих показать зрителям, что не имеют туза в рукаве.

— Радные! — Голос у девушки был тонким и совсем не подходящим к торжественному моменту.

Я замешкалась, смутно представляя, что от меня требуется, а Пашка уже сунула мне в руки кряхтящий шевелящийся сверток и пихнула локтем так, что поневоле пришлось выйти вперед. Вместе со мной в переплетение линий ступило полтора десятка человек, над расчерчен-

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ПУСТОТУ

ной землей летел надрывный плач, кто-то из посвящаемых был не в восторге от происходящего.

Руки хранительницы взметнулись, голова откинулась. Девушка замерла в этой странной вызывающей позе и запела. Это не было похоже ни на речитатив заклинания, ни на задушевность заговора. Не крик, не стон, не смех, а все вместе. Зов, звучавший как музыка. Тонкий молодой голос звал ушедших высших и низших, умолял и подкупал, каждый, кто это слышал, был готов идти за ним на край света и дальше. Пронзительная, трогающая за самое сердце песня души, на которую невозможно не откликнуться. И они откликнулись. Хвала им же, не сами. Лишь их тени, лишь напоминание о былом величии.

Линии загорелись, отвечая на свет ее браслетов. Сотни маленьких лучиков пробивались из-под земли, подсвечивая разломы изнутри. Некстати пришла мысль, что все это здорово напоминает дискотеку — танцпол, светомызыка и излишне креативный диджей. Змеенышу тоже понравилось. Тяжелый и твердый сверток зашевелился, тонкий чешуйчатый хвостик, получив свободу, пару раз качнулся из стороны в сторону и вдруг, изогнувшись, ухватил меня за запястье. Чешуя была такой холодной, что я вздрогнула. Край пеленки сместился и на меня уставились большие ромбовидные глаза. Я держала сверток на вытянутых руках, и любой посмотревший на меня со стороны сказал бы, что я делаю это впервые в жизни, до того неловкими и неуверенными были движения. Это было не совсем так. Я не могла позволить себе близость с этим ребенком. Это был нелюдь, пусть и маленький.

Песнь хранительницы оборвалась на высокой, улетающей в солнечное небо ноте. Все замерло. Свет, пробивавшийся сквозь линии, потух. Тишина обухом ударила по ушам, и даже тот категорически не согласный посвящаться малыш умолк. Внутри задрожала струна, очень знакомое ощущение, похоже, мы ступили на пере-